

УДК 94/99 (476. 6)

О.В. Карнович

ВОССТАНИЕ 1863 г. в ПРУЖАНСКОМ УЕЗДЕ

Пружанский уезд Гродненской губернии не имел какого-то особого стратегического значения для противоборствующих сторон в восстании 1863–1864 гг. Тем не менее именно на территории этого региона появился первый в Беларуси повстанческий отряд Романа Рогинского, а сам уездный город (также первым в Беларуси) был захвачен повстанцами. В связи с этим изучение повстанческого движения в Пружанском уезде представляет особую научную значимость. К сожалению, ряд исследований, посвященных восстаниям 1831 и 1863 гг., базируются на материалах российских исторических архивов, данные же соответствующих архивов Беларуси игнорируются, что не позволяет с достоверной точностью выявить степень участия населения отдельных регионов в восстаниях. В настоящей статье с привлечением новых, ранее не опубликованных данных проводится комплексное исследование событий восстания 1863 г. в Пружанском уезде Гродненской губернии. В статье использованы материалы НИАБ в Гродно.

Введение

События восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси в отечественной историографии до настоящего времени были освящены довольно скупо. Еще меньше сведений было по сословному составу его участников. Из комплексных отечественных исследований по данной проблематике можно выделить лишь труды советских историков В.М. Зайцева и С.М. Байковой, изданные в начале 1970-х гг. Однако при исследовании сословного характера восстаний эти авторы использовали материалы Российского государственного военно-исторического архива и Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе, игнорируя данные белорусских архивов в Гродно и Минске. Между тем содержащиеся в них сведения позволяют составить более точную картину участия в восстании разных социальных групп. В последние годы появились проведенные на базе Национального исторического архива Беларуси в Гродно (НИАБ) исследования, посвященные участию населения отдельных регионов Беларуси в восстании 1863–1864 гг. и характеристике боевых действий. К таковым следует отнести работы гродненских ученых В.В. Шведа, В.Н. Черепицы, а также исследования автора данной статьи, опубликованные в «Вестнике ГрГУ имени Я. Купалы» в 2008–2009 гг.

Прежде всего необходимо выяснить, что же представляли собой сословия в России. В XIX в. все население Российской империи было разделено по сословному характеру: а) неподатные привилегированные дворянство и духовенство, занимавшие ключевые должности как на местном уровне, так и в масштабах государства; б) однодворцы; в) крестьяне. По своему социальному положению белорусское дворянство делилось на несколько категорий: 1) помещики (крупные, средние и мелкие душе- и землевладельцы); 2) дворяне (не имевшие недвижимого имущества, но утвержденные департаментом Герольдии при Сенате, внесенные в губернские «Списки дворянских родов» либо признанные на дворянских собраниях в качестве действительных дворян); 3) шляхта (в широком смысле слова понятие «шляхта» относится к вышеуказанным категориям; в узком смысле – это отдельная, официально не утвержденная, как правило, не имевшая крупной недвижимости, самая бедная часть дворянства, зарабатывавшая себе на жизнь собственным трудом. Духовенство (христианское, мусульманское и т.д.) – сословие, свободное от податей, рекрутчины, воинских постоев, привилегированное в области судопроизводства. Наконец, самое многочисленное сословие – крестьянство. До отмены крепостного права крестьяне разделялись на несколько категорий: государственные, помещичьи, церковные, вольные (свободные крестьяне, не относящиеся ни к одной из указанных категорий).

Помимо этих сословий, следует отметить такое характерное для белорусских земель сословие, как однодворцы. Как известно, по указу от 19 ноября 1831 г. начался «разбор» беднейшей части шляхты. Лица, не сумевшие подтвердить своего происхождения (представить документы о принадлежности к шляхте во времена Речи Посполитой), переводились в податные сословия и в зависимости от места жительства стали называться однодворцами (в деревнях и селах) и гражданами (городские жители). В зависимости от своего имущественного положения и те и другие делились на две категории. Лица, имевшие свою землю либо арендовавшие ее у других собственников (помещиков, духовенства, государства), назывались оседлыми, а лишенные всяких средств производства и работавшие по найму – неоседлыми.

Отдельно стояли такие межсословные группы, как:

а) разночинцы – юридически не оформленная категория населения, занимавшая преимущественно умственным трудом (врачи, мелкое чиновничество, учителя, гимназисты и студенты, служащие имений). В первой половине XIX в. разночинцы являлись выходцами из дворянских родов, поэтому данную категорию мы отнесли к дворянскому сословию;

б) городские сословия – категория населения, включавшая как отдельные сословия, так и социальные группы, сословную принадлежность которых установить крайне сложно, например, фабричные и заводские рабочие и ремесленники. Как отмечалось выше, многим обедневшим представителям привилегированной части общества приходилось заниматься вовсе неблагородным трудом. Помимо рабочих и ремесленников, в эту социальную группу мы включили также представителей купечества, мещан, еврейского населения, наемных работников государственных и частных имений.

Пружанский уезд в январе 1863 г. принял первый в Беларуси повстанческий отряд. Это было соединение комиссара Подлясского воеводства (в составе Бельского, Седлецкого, Луковского и Радзинского уездов) Романа Рогинского, созданное по распоряжению Варшавского Центрального Национального комитета (ЦНК) и пробившееся с боями из Польши.

11 февраля (30 января) вблизи усадьбы Королёв Мост Пружанского уезда произошло столкновение отряда Романа Рогинского с превосходящими силами правительственных войск под общим командованием генерал-майора графа Ивана Ностица. В ходе боя часть повстанцев была рассеяна и отошла в Польшу, другая во главе со Стасякевичем двинулась по направлению к Брест-Литовску. В этом столкновении, которое закончилось трагически для Рогинского, по разным сведениям, погибло и попало в плен от 37 до 85 повстанцев, был потерян весь обоз. Ностиц писал в мемуарах о 50 погибших повстанцах и 3 взятых в плен, свои потери он оценил в 13 раненых нижних чинов [26, s. 205]. Сам Рогинский с остатками отряда укрылся в лесу на берегу Лесной. Поздним вечером 12 февраля (31 января) его отряд, соединившись с небольшим формированием акцизного чиновника Бельского уезда Станислава Сонгина, достиг местечка Шерешево. В сельском правлении было конфисковано 93 рубля казённых денег, которыми тут же были оплачены одежда и продукты, поставленные партизанам. Рогинский писал, что при занятии Шерешево «все местечко сбежалось нас накормить, а евреи доставили остальное. Когда же я заявил, что плачу за все, дали нам то, в чем больше всего ощущалась надобность: пороху, патронов и множество пистонов для ружей» [22, с. 448]. (Забегая вперед, отметим, что отряд Сангина вскоре был разгромлен). 3 (15) февраля 1863 г. Сангин с отрядом попал в засаду близ фермы Речицы Пружанского уезда, организованную подполковником Вимбергом. Погибло 11 повстанцев (в том числе и сам Сангин), 16 попало в плен, несколько человек утонуло, сумело спастись лишь 8 повстанцев [26, s. 206]. Впрочем, к данным по потерям с обеих сторон следует относиться с максимальной осторожностью: и русское командование, и повстанцы всячески зави-

шали чужие потери, занижая при этом свои. Зачастую эти непроверенные данные попадали и в официальную литературу. Так, сборник материалов Муравьевского музея (1915 г.) в сведениях о том сражении приводит уже просто фантастические цифры о 83 убитых, 34 раненых и 14 взятых в плен повстанцах Сангина [2, с. XL]. Однако в действительности отряд Сангина не превышал 50 человек.

После этого объединённый отряд под командованием Рогинского на 15 фурышках двинулся на Пружаны, которые и были захвачены 13 (1) февраля. Повстанцы недолго оставались без денег: в местном казначействе было «экспроприровано» 10 808 рублей и 85 копеек, документы и амуниция. Попутно была обезоружена местная многочисленная воинская команда, захвачено 200 карабинов и 1 720 патронов. Не обошлось без кровопролития: «убиты 2 рядовых инвалидной команды и 1 отставной ... и ранены 9 человек, из коих один, находившийся на часах у дверей казначейства, получил 10 ран» [3, с. 343]. Из городской тюрьмы было выпущено 9 арестантов, которые, однако, не присоединились к повстанцам. Во всяком случае сам Рогинский в своих мемуарах вспоминал о том, что в Пружанах к нему в отряд вошло только 2 человека. Это были бухгалтер казначейства Стравинский, который «нанес удар шашкой по голове» безоружному солдату местной инвалидной команды и писарь уездного суда Глебович, «выстрелом в горло» убивший рядового Колесникова [3, с. 344; 7]. Помимо этого, Рогинский «силой увел в мятеж» местных дворян братьев Франца и Александра Пульховских и дворянина Брестского уезда Малевского, которые, впрочем, бежали из отряда той же ночью, о чем чистосердечно и доложили военному начальству [8, л. 11–11об.].

В самом городе действовала местная подпольная организация, благодаря усилиям которой и был так легко захвачен уездный центр. Практически сразу по горячим следам было установлено, что непосредственную помощь Рогинскому оказывало практически все городское руководство. Как свидетельствуют архивные материалы, «главными агентами» революционного повстанческого комитета в Пружанском уезде были уездный предводитель дворянства Валентий Швыковский, уездный казначей Николай Горецкий, уездный исправник капитан Иван Руммель, городничий штабс-капитан Бенедикт Койшевский, уездный судья Александр Вислоух, начальник городского острога Ивановский, начальник Пружанской дворянской опеки Франц Бортновский и целый ряд других [12]. Кроме того, среди добровольных помощников упоминаются ветеринарный врач Густав Берендт, фельдшер Осип Михневич, частнопрактикующий врач И. Михальский, городской врач Леонард Домбровский, уездные врачи Владислав и Александр Окинчицы, т.е. люди весьма влиятельные и далеко не бедные [10]. Впоследствии В. Швыковский (1817–1900), предводитель дворянства и влиятельный помещик, был вынужден бежать за границу и после некоторых скитаний оказался в Бельгии, где устроился работать садовником. В 1867 г. Швыковский по амнистии вернулся на родину, ему было возвращено имение. В 1895 г. он продал свое имение графине Клейнмихель. Бортновский был выслан в Ярославскую губернию. Глебович и Стравинский были убиты в сражениях с правительственными войсками [7, л. 5–7]. Общий состав Пружанской подпольной повстанческой организации показан в таблице 1 [12].

Таблица 1 – Состав Пружанской уездной повстанческой организации

	Дворяне	Помещики	Крестьяне	Мещане	Однодворцы	Чиновники	Военные	Врачи	Духовенство	Всего
Количество	15	9	5	12	1	7	2	6	1	58

Но нападение на город было бы невозможным, если бы военными властями был обеспечен должный уровень готовности. Следует подробно остановиться на действиях тех, на кого возложена обязанность по обеспечению безопасности. Территория Гродненской губернии в оперативном плане входила в зону ответственности 2-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта З.С. Манюкина. В подчинении Манюкина находилось в разное время 3–4 воинских отряда. Одним из таких был Брестский отряд под командованием генерал-майора графа И.Г. Ностица, которого 1 марта 1863 г. сменил генерал-майор А.Ф. Эггер. В сферу деятельности Брестского отряда входили Брестский, Кобринский и Пружанский уезды. Непосредственно за охрану Пружан отвечала местная команда внутренней стражи под командованием поручика Головни (имя офицера установить не удалось). По некоторым данным, военный гарнизон в Пружанах составлял 250 человек, но не исключено, что эти цифры завышены [25, с. 374]. Однако не вызывает сомнения, что он проявил себя не лучшим образом. Так, начальник команды внутренней стражи поручик Головня при нападении на город «обнаружил трудность и, спасая только себя, бежал из города, переодевшись в крестьянскую одежду». Впоследствии Головня был лишен офицерского звания и дворянства, изгнан из армии и выслан вглубь России. Его помощник фельдфебель Пухальский разжалован в рядовые и отдан в Оренбургскую арестантскую роту. Кроме того, унтер-офицер Пружанской команды внутренней стражи Яков Бабенко «исполнял приказы Рогинского, показав повстанцам, где находится цейхгауз» [4, с. 267]. Городничий Койшевский «привел в казарму партию мятежников, где солдаты в то время спали, вторую повел к казначейству, третью часть – к острогу, и сам требовал, чтобы часовой отворил калитку для впуска мятежников» [3, с. 344]. Позднее сам Койшевский «по дряхлости лет» был оставлен под полицейским надзором [7, л. 1–3]. Несмотря на это часть гарнизона оказала сопротивление, в ходе которого было убито 3 повстанца и 9 ранено [25, с. 374].

Тит Самульский был ранен в бою с правительственными войсками еще в январе 1863 г., находясь в составе отряда Романа Рогинского. Когда Рогинский захватил Пружаны, Самульский был оставлен на лечение у местного помещика Морачевского. 3 (15) февраля того же года Морачевский доставил Самульского к пружанскому приставу, который и посадил раненого повстанца под арест в местный острог для дальнейшего разбирательства. Через некоторое время Самульский был выпущен из-под ареста, отдан на поруки отставному подпоручику Станиславу Трембицкому и некоторое время жил в его доме в Пружанах. За время пребывания на свободе Самульский развернул активную работу по вербовке местных жителей (в первую очередь чиновников) в отряды, нередко угрожая последним «лишить жизни». Причем, вербовка шла непосредственно в учреждениях по месту службы чиновников. В мае 1863 г. Самульский и Трембицкий благополучно ушли из Пружан в отряд Влодека. Станислав Трембицкий был арестован 5 (17) сентября 1863 г. и на допросах упорно повторял, что Самульский сам ушел из его дома без ведома хозяина, и он, боясь ответственности, был вынужден также уйти в леса, где через какое-то время его нашли повстанцы Влодека. Впоследствии Трембицкий был приговорен к 6 годам каторги, следы Самульского теряются в Польше [20, с. 23, 44, 155; 4, с. 171]. Характерно, что чиновник Глебович, который при захвате Пружан отрядом Рогинского убил солдата, вскоре вернулся из отряда и некоторое время находился в Пружанах, откуда бежал лишь 20 апреля вместе с другими лицами [17, л. 25–26].

Нападение повстанцев на город стало возможным и вследствие ошибок самого графа Ностица, который, преследуя отряд Рогинского, должен был позаботиться о разведке и просто обязан был укрепить гарнизоны в уездных городах. Позднее он так и сделал, оставив в Пружанах роту Ревельского пехотного полка и сотню 5-го Донского казачьего полка под общим командованием майора Бубнова [24, с. 357].

24 апреля 1863 г. в Пружанском уезде организовал свой отряд Феликс-Адам Влодек, крупный помещик, владеец нескольких имений в Брестском (Мотыкалы) и Пружанском уездах (Кабакі). Вскоре к его отряду присоединился отряд Тита Самульского (до 40 человек), получившего боевой опыт у Рогинского. Отряды Влодека и Самульского пополнились в том числе и за счет чиновников Пружан, членов местной повстанческой организации. Так, 20 апреля место своей службы самовольно оставили 10 пружанских чиновников. Всего же из Пружанского уезда в отряды ушло 59 человек: 16 дворян, 10 чиновников, 2 студента, 11 помещиков, 2 ямщика, 15 крестьян и 4 мещанина. По другим данным, в отряды ушло до 70 человек [11, л. 485–490; 1, с. 40]. Из имений Сельцы, Ясеневец и Богуславец графа Замойского бежало в общей сложности 17 его служащих: 7 дворян, 2 лакея, 2 повара, 2 псаря, писарь, однодворец, кучер и землемер [8, л. 55–55об., 59]. Однако несмотря на то, что собственные отряды в Пружанском уезде стали появляться только в апреле, население начинало уходить в леса еще в марте. Так, к концу марта из своих мест проживания «отлучилось неизвестно куда» 7 крестьян, 14 дворян (из которых 9 помещиков) и мещанин [19, л. 28–30].

Очевидно, что на первых порах арестованных освобождали под поручительство знакомых лиц в массовом порядке, благодаря чему освобожденные затем благополучно бежали вновь. В ноябре 1863 г. М.Н. Муравьев был вынужден издать распоряжение, по которому за дворян и чиновников, вернувшихся из отрядов, должны были поручаться не менее 3-х человек, «чтобы поручители были вполне благонадежны и имели недвижимую собственность, которая могла бы обеспечить правительству возможность взыскания с них штрафа не менее 300 рублей», если лицо, взятое на поруки, вновь пустится во все тяжкие. Например, если прислуга помещика уйдет «в мятеж», с помещика взыскивается штраф в 200 рублей серебром за каждого человека [19, л. 15–15об.]. В этом случае упомянутому выше графу Замойскому относительно повезло, иначе он рисковал бы потерять значительную сумму.

Отряд Влодека участвовал в нескольких столкновениях с правительственными войсками. Так, 2 (14) мая близ Михалино Пружанского уезда (по другим данным, Слонимского уезда) произошло 2 сражения отрядов штабс-капитана Евдокимова и есаула Евстратова с повстанческим отрядом Влодека. По сведениям очевидца тех событий повстанца Игнатия Арамовича, правительственные войска потеряли 30 штуцеров, 7 коней и барабан, потери личного состава: 176 человек, из которых 65 раненых (свои потери при этом были оценены в 5 человек убитыми и 4 ранеными) [1, с. 29–30]. Между тем сведения военных властей говорят о 10 убитых и 30 раненых нижних чинов и офицеров; потери повстанцев оценены в 50 человек убитых. Эти же данные почти подтверждает непосредственный участник боя, командир роты Ревельского пехотного полка штабс-капитан Евдокимов в рапорте от 4 (16) мая, говоря о 24 раненых (сам Евдокимов был ранен в руку) и 9 убитых нижних чинов [2, ч. 2, с. XL–XLI; 18, л. 120об.]. По всей видимости, именно эти данные, больше соответствуют действительности, об этом же свидетельствует и список представленных к награде 10 нижних чинов командиром Ревельского пехотного полка полковником бароном Бринкеном на имя генерала Эггера [24, с. 367–368]. Окажись потери русских войск столь крупными, как вспоминает Арамович, вряд ли дело дошло бы до награждения. К сожалению, подобным многократным завышением потерь русских войск грешат современные польские и некоторые отечественные исследователи. Позднее отряд Влодека перешел в Кобринский уезд, где соединился с отрядом Траугутта.

В течение лета 1863 г. в Пружанском уезде произошло минимум 4 столкновения повстанцев с правительственными войсками:

1. 4 (16) июня близ села Устроль произошел бой отряда Духинского (бывшего повстанческого воеводы Гродненской губернии) с отрядом подполковника Блюменталя

в составе трех рот Ревельского пехотного полка, роты Кутузовского пехотного полка и сотни Донского казачьего полка. Правительственные войска потеряли 11 человек убитыми и 17 ранеными; потери повстанцев они оценили в 80 человек убитыми (очевидно, завышенные).

2. 8 (20) июня близ Березовых болот рота капитана Штеккера провела бой с отрядом Влодека, в ходе которого повстанцы, по сведениям И. Арамовича, потерпели поражение, а их потери составили 11 человек убитыми.

3. 15 (27) июня неподалеку от Шерешево все тот же капитан Штеккер провел бой с повстанческим отрядом (очевидно, это был отряд Врублевского). По официальным сведениям, повстанцы потеряли 16 человек убитыми и 3 пленными.

4. 30 августа (10 сентября) в урочище Березовка произошло сражение отряда Врублевского (до 300 человек) с подразделениями Староингерманландского и Псковского пехотных полков под командованием майора Шульженко. Потери повстанцев: 31 человек убитыми и 2 пленными [1, с. 43, 58; 2, ч. 2, с. XLIII–XLV].

В отрядах Пружанского и соседних уездов находилось немало отставных и действующих офицеров русской армии. Одним из них был Густав Стравинский («Млотек»), поручик Муромского пехотного полка, бежавший из части 24 июля 1863 г. и организовавший собственный отряд в Волковысском уезде. Вскоре к нему присоединился прапорщик 3-й полевой артиллерийской бригады Станислав Окинчиц. В апреле 1863 г. он перешел на сторону повстанцев и сначала находился в составе отряда Феликса Влодека, а затем присоединился к Стравинскому. Двоюродный брат Станислава Окинчица Александр являлся действующим окружным врачом Пружанского и Слонимского уездов и постоянно проживал в Шерешево. По некоторым сведениям, он также входил в состав Пружанского повстанческого комитета. В апреле 1863 г. он вступил в отряд Г. Стравинского, а спустя 10 дней покинул по состоянию здоровья и проживал в имении матери, в деревне Немковичи Пружанского уезда, где и был арестован [5, с. 118].

Активную помощь продовольствием, фуражом и продуктами оказывали повстанцам, не присоединяясь при этом к отрядам, местные помещики. Так, по свидетельству многих очевидцев, помогал отрядам Врублевского и Влодека крупный помещик, владелец имений в Брестском и Пружанском уездах Пусловский. Свои имения предоставляли для размещения повстанцев такие крупные владельцы, как граф Любецкий и помещик Скирмунт. Повстанец отряда Врублевского Людвиг Беркусевич показывал на допросе, что он «по записке Врублевского получил ...от помещицы Шемиот 70 руб., хлеба и сыру, ...от помещика имения Островок Тарновского 11 руб.» [20, с. 247]. После захвата Пружан отряд Рогинского расположился на отдых в имении Линево помещика Богуслава Трембицкого, где был готов ужин на 120 человек [8, л. 24].

Об одном из снабженцев отрядов Врублевского и Влодека – чиновнике Пружанского земского суда дворянине Франце Снежко-Блоцком, упоминает повстанец отряда Врублевского Северин Пацевич. Снежко-Блоцкий выполнял очередной рейс в отряды с товаром 23 июня, когда был схвачен конным разездом казаков в деревне Лихосельцы Пружанского уезда. Вместе с ним были арестованы дворянин Чайковский из местечка Свислочь и мещанин Василевский из Пружан. У них изъяты «слиток свинца весом 1 пуд 5 фунтов, 2 мешка с новыми сапогами – всего 23 пары, ...10 ящиков сигар, 20 пачек папирос, табуку около 3 фунтов» [3, с. 376]. Нередкими были случаи, когда повстанцы, стремясь вывести из-под удара властей местных помещиков за оказание помощи, их фамилии зашифровывали под номерами. «И когда от них получают припасы для отряда, то дается им расписка, что такой-то номер прислал припасы» [20, с. 35]. Общий сословный состав жителей Пружанского уезда, причастных к восстанию, показан в таблице 2.

Таблица 2. Сословный состав участников восстания 1863 г. по Пружанскому уезду

Крестьяне		Дворяне					Однодворцы		Городские сословия	Всего
Участников восстания	Проживало в уезде	Дворяне (без указания рода занятий)	Шляхта	Помещики		Чиновники, врачи	Участников восстания	Проживало в уезде		
				Участников восстания	Проживало в уезде					
26	28 467	43	12	12	269	13	13	210	19	138

Составлено по: [14; 16; 7; 23, с. 52, 62, 67; 28, с. 46].

Как видно из таблицы, основную роль в восстании на территории Пружанского уезда играли представители дворянства (почти 58% от общего числа участников восстания). Между тем, по данным на 1863 г., в Пружанском уезде проживал 1 321 дворянин мужского пола. Можно вычислить, что среди дворянского сословия в восстании приняло участие лишь 6,1% от числа проживавших.

В июле–августе под ударами правительственных войск повстанческие отряды стали терпеть поражения, в массовом порядке повстанцы покидали расположения своих отрядов, воспользовавшись «Манифестом о Всемилостивейшем прощении бывших участников восстания, добровольно явившихся из мятежных отрядов». К сентябрю 1863 г. из отрядов бежал 41 человек (в т.ч. 16 дворян и 19 крестьян) [10, л. 159а–159б]. Поэтому, стремясь запугать рядовых членов отрядов, некоторые командиры начали устраивать террор по отношению к мирному населению силами т.н. «жандармов-вешателей». Прославляемый ныне Валерий Врублевский, в то время действующий поручик Корпуса лесной стражи (и заместитель начальника Сокольского егерского училища), оставил свой кровавый след, в том числе и на территории Пружанского уезда. По сведениям многих арестованных повстанцев, он «послал отряд из 20 человек в местечко Шерешево, которым велел сжечь бровар и убить 5 человек» мирных жителей по обвинению в помощи властям. План был перевыполнен: 19 (31) августа 1863 г. были повешены Абрам Найгас, Фишель Юделевский, семья лесного стрелка Беловежской пуци (Анна, Героним и Иосиф Седуны) и крестьянин Яким Зайончковский. В лесу, близ Шерешево, позднее были повешены еще 4 человека. 3 (15) июля 1863 г. в имении Котра этого же уезда были повешены православный священник Роман Рапацкий и крестьянин Константин Швед [15, л. 3об., 7об.–10об.; 20, с. 107, 157, 246]. Вполне возможно, что некоторые из «жандармов-вешателей» получили затем наказание. Так, в Пружанском уезде было казнено 3 человека (таблица 3).

Таблица 3. Список казненных в Пружанском уезде участников восстания 1863 г.

Фамилия, имя	Социальная принадлежность	Причина казни	Место казни, дата
Гринчик Ян	Мещанин	Пребывание в повстанческом отряде в качестве «жандарма-вешателя», личное участие в убийствах жителей Гродненской губернии	Шерешево, 8(20).12.1863 г.
Ильковский Антоний	Дворянин		Шерешево, 8(20).12.1863 г.
Соломон Август	Подданный Пруссии		Шерешево, 8(20).12.1863 г.

Составлена по: [27].

Уже после полного подавления восстания власти еще долгое время выявляли не только активных участников восстания, но и лиц, им сочувствующих. Так, из Пружанского уезда на конец 1864 г. было выслано 27 крестьян во внутренние регионы России. Половина из них была отправлена «под надзор губернатора» в Калужскую и Тульскую губернии [9, л. 13–45]. В список конфискованной собственности влиятельных помещиков Пружанского уезда вошли имения Валериана Юндзилла (продано за 50 000 руб. серебром), Иосифа Стравинского (42 000 руб. серебром), Станислава Стравинского (15 000 руб. серебром), Александра Доманского (7 500 руб. серебром) и Эдмунда Корсака (3 355 руб. серебром) [29, с. 78–80]. По подозрению в «политической неблагонадежности» в Пружанах было уволено 39 чиновников «присутственных учреждений» [6, л. 12–14, 25–29, 38–40об.]. В 1868 г. под надзором полиции по Пружанскому уезду за участие в восстании состояли 76 человек, в том числе 26 дворян, 9 помещиков, 7 евреев, 17 мещан, 10 крестьян, 7 представителей шляхты [13, л. 155–165].

Во время массовых общественно-политических потрясений нередко находятся люди, пытающиеся тем или иным способом свести счеты со своими противниками. Не исключением стало и восстание 1863 г., когда зачастую по ложным доносам власти арестовывали невиновных лиц. Вот и в Пружанском уезде в сентябре 1863 г. по доносу крестьянина Иосифа Глушко за помощь беглым повстанцам были арестованы и посажены в Пружанский острог владелец имения Крыницы Франц Дзеконский и четверо его служащих. Разобрав дело арестованных, местная уездная военно-следственная комиссия пришла к выводу, что донос на помещика и его служащих был ложным, о чем военный начальник Пружан отмечал в своем рапорте. Тем не менее перечисленные лица были отданы под суд, который состоялся 14 февраля 1864 г. По решению суда служащие Дзеконского были отданы на поруки Сухопольскому сельскому обществу и возвращены на прежнее место жительства в д. Крыницы; судьба самого Дзеконского, которого перевели в Гродненский тюремный замок, так и не была определена. Лишь 26 августа 1864 г. после прошения жены Эрнестины на имя гродненского губернатора просидевший за решеткой почти год помещик был выпущен под поручительство и возвращен в свое имение. Извинений за незаконный арест ему никто не принес [21, с. 45–47].

Заключение

Таким образом, данное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Население Пружанского уезда приняло активное участие в восстании, значительное число повстанцев составляли представители дворянского слоя (почти 58%). Участие дворянства в восстании, наряду с патриотическим подъемом, можно объяснить и экономическими причинами. Еще в первой четверти XIX в. часть помещичьих имений оказалась на грани разорения, и владельцы были вынуждены закладывать их в различных банках. Очевидно, что с отменой крепостного права этот процесс ускорился. Поэтому некоторые помещики (в том числе и из обедневших дворян) свое участие в восстании рассматривали как способ улучшить свое незавидное материальное положение. Мы не располагаем данными по Пружанскому уезду, но в целом на белорусских землях такое явление было характерно.

2. Активное участие в восстании 1863 г. на территории Пружанского уезда однодворцев, недовольных своими условиями жизни (переведенных в разряд податного сословия как раз из бывшего привилегированного слоя после восстания 1831 г.), можно объяснить общим патриотическим подъемом и своим ответом правительству на события 30-летней давности.

3. Крестьяне, принявшие участие в восстании, составили почти пятую часть общего числа повстанцев на территории Пружанского уезда. Главная причина такой активности заключается в разочарованности основной массы крестьянского слоя в поло-

винчатых результатах реформы 1861 г., чем на первых порах воспользовалось повстанческое руководство, перетягивая на свою сторону крестьян. Однако значительная часть крестьянского сословия Пружанского уезда не приняла массового участия в восстании, о чем свидетельствуют цифры, согласно которым 1 участник восстания приходился лишь на 1 094,9 человека.

4. Смертные приговоры участникам восстания 1863 г. на территории Пружанского уезда были вынесены за конкретные тяжкие преступления, которые в условиях военного времени (а территория Беларуси в период восстания 1863–1864 гг. находилась на военном положении) жестоко караются во всех странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арамовіч, І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. / І. Арамовіч // АРСНЕ. – 2010. – № 12. – С. 18–71.

2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края : в 2-х ч. / Под общ. ред. А.И. Миловидова. – Вильно, 1913. – Ч. 1; 1915. – Ч. 2.

3. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. : материалы и док. – М. : Наука, 1965. – 586 с.

4. Дьяков, В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 гг. : биобиблиографический словарь / В.А. Дьяков. – М.: Наука, 1967. – 256 с.

5. Карпович, О.В. Окинчицы: стремление к свободе / О.В. Карпович // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае : матэрыялы Трэцяй міжнар. навук.-практ. канф. студэнтаў, ліцэістаў, аспірантаў і маладых вучоных, 23–24 ліст. 2007 г. / БрДУ імя А.С. Пушкіна. – Брэст : Альтэрнатыва, 2008. – С. 117–121.

6. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 511. О собрании сведений о чиновниках, уволенных за политическую неблагонадежность.

7. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 31. – Д. 62. Дело по обвинению разных лиц в участии в польском восстании.

8. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 204. Дело о повстанческом движении по Пружанскому уезду.

9. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 231. Дело о ссылке в Сибирь, на каторгу жителей Гродненской губернии за участие в восстании 1863 г.

10. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 666. О водворении на прежнее место жительства добровольно явившихся из повстанческих отрядов жителей Гродненской губернии и списки участников восстания 1863 г.

11. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 1138. Списки чиновников палат казенной, уголовной, гражданской и государственных имуществ по губернии, принимавших участие в восстании 1863 г.

12. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 2887. Конфирмация на членов Гродненской революционной организации.

13. НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 34. – Д. 3558. Списки участников восстания, состоящих под надзором полиции по уездам Гродненской губернии на 1868 г.

14. НИАБ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 10. Дело со списками лиц, содержащихся под арестом в Пружанах.

15. НИАБ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 18. Дело о доставлении сведений о лицах, убитых и замученных мятежниками по Пружанскому уезду.

16. НИАБ. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 46. Алфавитный список политических преступников, имущество которых подлежит конфискации в казну, по 1 октября 1864 г.
17. НИАБ. – Фонд 1715. – Оп. 1. – Д. 2. Об аресте участников восстания.
18. НИАБ. – Фонд 1715. – Оп. 1. – Д. 9. О преследовании войсками повстанческих отрядов.
19. НИАБ. – Фонд 1717. – Оп. 1. – Д. 4. Об отдаче на поруки возвратившихся из отрядов жителей Слонимского уезда.
20. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863–1864 гг. / под ред. Д.В. Карева. – Брест : Академия, 2006. – 404 с.
21. Папко, В.М. Род Дзяконскіх і іх маенткі на Брэстчыне ў XIX–XX стст. / В.М. Папко. – Брэст : Альтэрнатыва, 2009. – 232 с.
22. Рогинский, Р. Из воспоминаний повстанца / Р. Рогинский // Исторический вестник. – 1906. – Т. 105. – С. 422–452.
23. Улащик, Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии / Н.Н. Улащик. – М. : Наука, 1965. – 479 с.
24. Черепица, В.Н. Действия Брестского отряда российских войск в южной части Гродненской губернии / В.Н. Черепица // Звенья цепи единой. Большие и малые события в истории Гродненщины XIX–XX столетий. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – С. 353–393.
25. Швед, В. Гродзенская губерня ў полымі паўстання 1863–1864 гг. / В. Швед // Польшка-беларускія моўныя літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : матэрыялы XI міжнар. навук. канф. «Шлях да ўзаемнасці», 18–20.VII.2003 г., Беласток.– Беласток, 2004. – С. 373–380.
26. Gora, S. Początki powstania styczniowego na Litwie i Białorusi oraz działania oddziału Romana Rogińskiego na tych terenach w okresie od 7 lutego do 3 marca 1863 r. / S. Gora // Studia i materiały do Historii Wojskowości. – 1985. – Т. 28. – S. 199–211.
27. Rok 1863: wyroki śmierci / red. W. Studnicki. – Wilno, 1923. – 120 s.
28. Schmidt, W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w byłych guberniach Wileńskiej, Grodzieńskiej i Mńskiej (1793–1875). – Warszawa, 1923. – 102 s.

Karpovich O.V. Revolt of 1863 in Pruzhansky District

Pruzhansky district of Grodno province had no special strategic value for the contradictory parties in the revolt of 1863–1864. Nevertheless, on territory of this region there was the first rebellion group in Belarus named after Roman Roginsky, and this district city (also the first in Belarus) was captured by the rebels. In this connection the studying of rebellion movement in Pruzhansky district represents special scientific importance. Unfortunately, a number of researches of contemporary domestic historiography devoted to the revolts in 1861 and 1863 are based on the materials of Russian historical archives whereas the data of corresponding archives of Belarus are ignored, which that does not allow to reveal with authentic accuracy the degree of participation of the population of separate regions in the revolts. In the article, using new, previously unpublished data, the complex research of the revolt events in 1863 in Pruzhansky district of Grodno province is conducted. The article is based on the materials of the National Historical Archives of Belarus in Grodno.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.02.2012